

На правах рукописи

Кипрская Екатерина Викторовна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ
КАК СРЕДСТВО КАМУФЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В СМИ**

(на примере конфликта в Ираке 2003-2004гг.)

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2005

Диссертация выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Александра Александровна Залевская

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент Лев Геннадьевич Васильев
кандидат филологических наук,
доцент Татьяна Александровна Краснова

Ведущая организация: ГОУВПО «Курский государственный университет»

Защита состоится 1 июля 2005 г. в 12 часов 00 минут, на заседании регионального диссертационного совета ДМ 212.27506 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан

Ученый секретарь
кандидат филологических наук,
доцент

Наталья Игмановна
Чиркова

В настоящее время в лингвистической науке наблюдается повышенный интерес к освещению военных, межнациональных и межэтнических конфликтов в языке СМИ. Газетно-публицистический стиль отражает все события, происходящие в мире, и является их своеобразным катализатором, поскольку из него лексические единицы разного уровня попадают в литературный язык и в устную речь.

Реферируемое диссертационное исследование представляет собой комплексный лингвистический анализ особенностей функционирования англоязычных и русскоязычных политических эвфемизмов, используемых в языке СМИ при освещении военно-политического конфликта в Ираке 2003-2004 гг.

Объектом исследования являются англоязычные и русскоязычные политические эвфемизмы.

Предмет исследования – способы камуфлирования действительности, используемые англоязычными и русскоязычными СМИ при освещении конфликта в Ираке.

Актуальность работы обусловлена следующими факторами:

- 1) исследование политического дискурса как одного из видов институционального речевого общения находится в центре внимания социолингвистики, прагматики языка и лингвистики текста;
- 2) политические эвфемизмы характеризуются своеобразной «эзотеричностью», т.е. наличием скрытого смысла, исследование которого является социально значимым;
- 3) специфика использования политических эвфемизмов в английском и русском политическом дискурсе при освещении военно-политических конфликтов недостаточно разработана.

Цель исследования – комплексный лингвистический анализ текстов СМИ, освещающих конфликт в Ираке в 2003-2004 гг., исследование политических эвфемизмов в качестве одного из лексических средств воздействия на аудиторию при создании у потенциального реципиента целостной картины происходящих событий. В силу ограниченности тематики работы в нее не входят проблемы суггестивной лингвистики, фоносемантики, а также нейролингвистического программирования.

Задачи исследования:

- 1) изучить существующие подходы к определению дискурса вообще и политического дискурса в частности;
- 2) выявить специфические особенности политической корректности как одного из компонентов политической культуры;
- 3) проанализировать существующие подходы, способы, средства, цели и мотивы эвфемизации речи;
- 4) рассмотреть проблему эвфемистического речевого воздействия как одного из способов манипулирования сознанием реципиента;
- 5) разработать методику анализа политических эвфемизмов в языке

СМИ;

6) систематизировать материалы русско- и англоязычных текстов СМИ о конфликте в Ираке 2003-2004 гг. и отобрать корпус текстов с политическими эвфемизмами по данной тематике;

7) определить роль и специфику политических эвфемизмов, используемых в языке СМИ.

Материалом исследования послужила эвфемистическая лексика и примеры ее употребления, полученные методом сплошной выборки из русско- и англоязычной прессы за 2003-2004 гг.: общее количество статей 326 на русском языке и 354 на английском языке, которые включают газетные интервью и речи политических деятелей, материалы политических заявлений, освещаемых в СМИ (газеты «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «The Daily Telegraph», «The Times», «The USA Today», «The New York Times», телевизионные аналитические программы: «Вести» (ОРТ), «Вести» (РТР), «Новости» (CNN), «Свобода слова» (НТВ), «Основной инстинкт» (ОРТ), а также различные интернет-издания).

В качестве основного был выбран **метод** комплексного описания политических эвфемизмов с элементами компонентного, этимологического и семного анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы русских и зарубежных ученых в области семантики и прагматики текста (Р. Водак, Т.А. Ван Дейк, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Г.Г. Почепцов, Е.И. Шейгал), политической психологии (Д.В. Ольшанский, Г.Г. Дилигенский), лингвокультурологии (О.А. Леонтович).

На защиту выносятся следующие положения.

1. Многоаспектный феномен политической корректности является неотъемлемым компонентом идеологии современного западного общества и политической культуры. Политическая корректность начинает проявляться и в российской культуре. Для обозначения политкорректной лексики отечественными лингвистами предлагаются термины «языковой такт», «коммуникативная/этическая корректность» или «политическая толерантность». Политическая коммуникативная корректность выходит за рамки эвфемистической лексики, так как задействует не только лексикологический, но и синтаксический, морфологический и словообразовательный уровни языка.

2. Эвфемизмы представляют собой универсальное языковое явление, которое обычно обуславливается социально-историческими и морально-этическими нормами, национальными и языковыми традициями того или иного общества; их природа остается невыясненной, что приводит к смешению эвфемизмов с другими видами перефразирования: литотой, гиперболой, различными видами косвенных наименований, вследствие чего не разработаны четкие критерии идентификации эвфемизмов и

отсутствует общепринятая дефиниция самого термина.

3. В лингвистической литературе прослеживается устойчивая тенденция к появлению новых тематических групп эвфемизмов вследствие возникновения новых сфер в социально-политической жизни общества, подлежащих завуалированию.

4. Политические эвфемизмы, наряду с политическими метафорами, эпитетами и другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов камуфлирования действительности, а также манипулирования сознанием потенциального реципиента с целью создания выгодной для манипуляторов картины происходящих событий.

5. Среди основных признаков политических эвфемизмов можно выделить следующие: мотивированность; наличие определенных ценностных доминант; способность к проявлению магической функции языка, с их помощью создаются новые мифологемы; в семиотическом плане – вместе с дисфемизмами способность образовывать базовую оппозицию «свой – чужой»; лозунговость (политические аффективы); диалектичность эвфемистического преобразования; наличие риторической стратегии к мобилизации общественного мнения; принадлежность к классу агональных знаков наряду с дисфемизмами; их суть – это результат компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего).

Апробация результатов работы осуществлялась на научных конференциях различного уровня, в том числе на научно-практической конференции (Киров, 2004), Международной научной конференции по актуальным проблемам исследования и преподавания языка (Курск, 2003), Всероссийской научно-методической конференции «Эколингвистика: теория, проблемы, методы» (Саратов, 2003), 1-й международной научно-практической конференции «Текст в системе высшего профессионального образования» (Таганрог, 2003).

Новизна исследования заключается в обращении к конфликту в Ираке; в лингвистическом подходе к анализу политических эвфемизмов в текстах, исследуемых политологами и психологами; в выявлении политически и социально значимых тем при освещении военного конфликта в Ираке; в исследовании функциональных особенностей политических эвфемизмов, используемых в языке прессы.

Теоретическая значимость выполненного научного исследования состоит в том, что вносится определенный вклад в изучение специфики языка СМИ (на примере конфликта в Ираке); определяется роль и место политических эвфемизмов, представляющих собой одно из мощнейших средств манипуляции в политическом дискурсе и являющихся одним из способов создания у потенциального реципиента картины событий, выгодной для правящих структур, стоящих за каналами СМИ.

Практическая ценность работы в том, что ее результаты могут использоваться для междзыковых и межкультурных исследований, а также теории языка, риторики, стилистики, и интерпретации текста.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяются его цели и задачи, а также его новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Феномен политического дискурса» определяются базовые понятия данной работы. Основополагающими категориями исследования являются понятия «дискурс», «политический дискурс», «политическая корректность» и «манипуляция в политическом дискурсе». На протяжении последних 30-ти лет трактовка понятия «дискурс» значительно менялась. С современных позиций, дискурс — это сложное коммуникативное явление, непосредственно текст или речь в действии в совокупности с экстралингвистическими факторами и когнитивными элементами (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимыми для его понимания. «Дискурс» представляет собой более широкое понятие, чем «текст», поскольку он постоянно выводит нас на новые знания (В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, М.Л. Макаров, Ю.С. Степанов, Е.И.Шейгал). Понятие «дискурс» как родовое по отношению к речи и языку также рассматривается исследователями (см. рис 1).

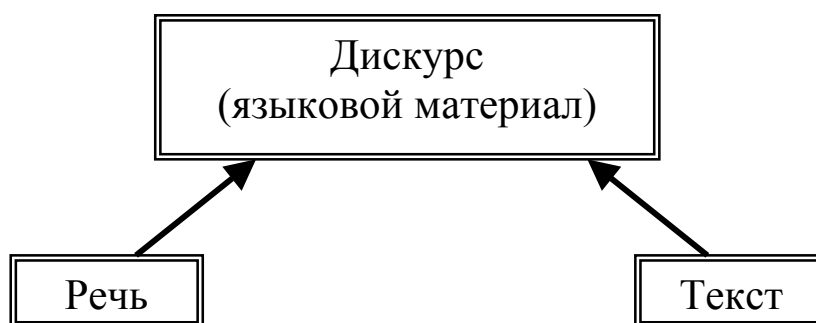

Рис. 1

Сопоставляются различные подходы к определению понятия «дискурс»: в соответствии с лингвофилософской трактовкой дискурса — это «язык в языке» в виде «социальной данности» (Ю.С. Степанов); с точки зрения прагматики текста термины «речь» и «текст» являются видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину «дискурс» (М.Л. Макаров); согласно логико-философской традиции

противопоставляются дискурсия (процесс развертывания текста в сознании получателя информации) и дискурс (результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправления текста) (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова); с позиции социокогнитивной лингвистики дискурс рассматривается в рамках общества и культуры и на первый план выходит значимость социального контекста и его трактовка различными культурами (Т.А. ван Дейк).

В реферируемой работе за основу берется определение дискурса в широком смысле: он трактуется как непосредственно текст или речь в действии в совокупности с экстралингвистическими факторами и когнитивными элементами.

Феномен политического дискурса не может быть однозначно определен из-за многомерности, многозначности и сложности данного понятия, которое, по мнению политологов, почти подменило собой политику (А.Н. Баранов, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал). С точки зрения семиотики политический дискурс представляет собой систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное (виртуальное) измерение вкупе с речевыми актами, используемыми в политических дискуссиях и текстах, отображающими политические стратегии государства (Е.И. Шейгал, Н.Н. Миронова).

Можно выделить следующие характеристики политического дискурса:

1) полевое строение политического дискурса, являющегося одним из видов институционального дискурса, базовыми концептами которого являются концепты «власть» и «политик»;

2) институциональность политического дискурса как основная характеристика политической коммуникации и его связь с другими видами дискурсов;

3) подверженность разнонаправленным процессам эвфемизации и дисфемизации как следствие процессов, происходящих в обществе;

4) идеологичность, одной из составляющих которой является идеология политической корректности.

Рассматриваемые характеристики политического дискурса можно представить в виде следующей схемы (см. рис.2).

Традиционно политический дискурс связывают с понятием политической корректности (В.И. Карасик, Г.А. Тер-Минасова, Т.В. Киселева, Н.А. Купина, О.А. Леонтович, Ж.В. Асеева, О.Ф. Иванова, В.В. Панин). Политическая корректность является не только элементом политической культуры, но и многоаспектным языковым и лингвокультурным феноменом. Считается, что идеология политической корректности – основная черта англоязычного политического дискурса (В.И. Карасик, С.Г. Тер-Минасова).

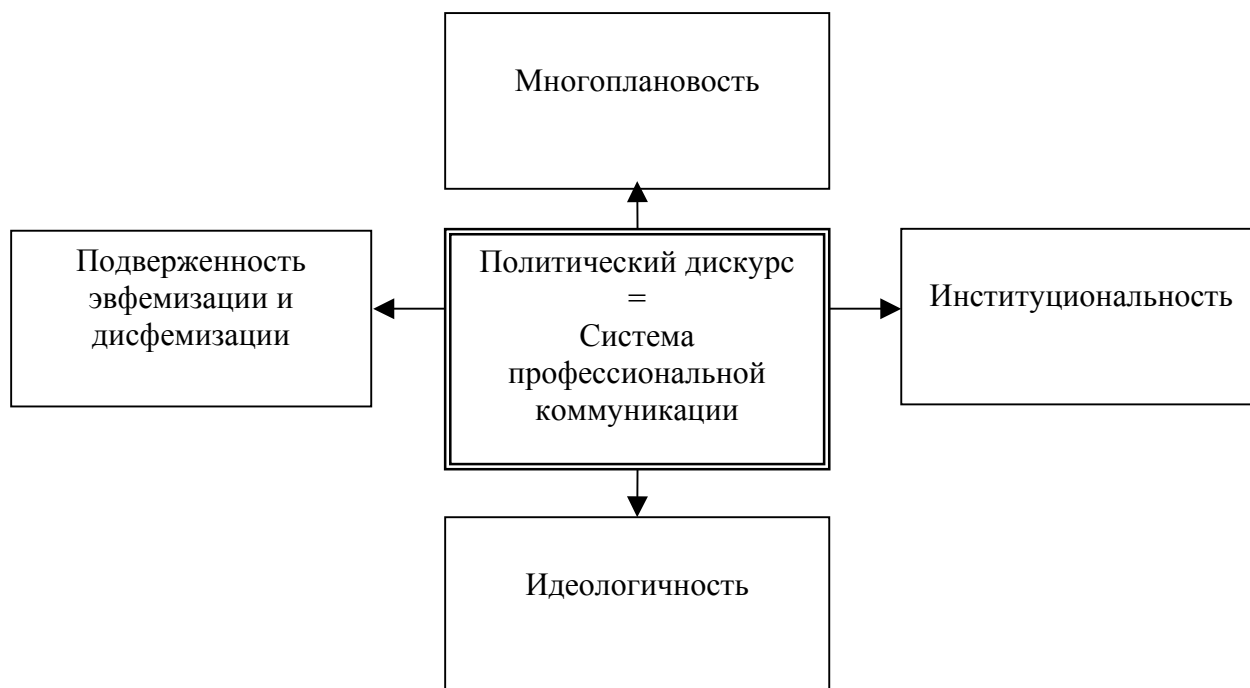

Рис. 2

Термин «политическая корректность» стал использоваться в русском языке относительно недавно, однако сама идея быть политически корректным или просто соблюдать языковой такт существует уже очень давно: без знания культурно-речевых традиций каждого из народов и каждого из языков межкультурная коммуникация не происходит, имеет место конфликт культур (С.Г. Тер-Минасова, О.Ф. Иванова, О.А. Леонтович). Политическая корректность оказывает наиболее ощутимое воздействие на лексический состав языка. Лексика как наиболее подвижный уровень языковой системы мгновенно реагирует на происходящие в обществе перемены. Этот процесс становится особенно заметным в периоды экономических, социальных и других изменений в обществе (О.А. Леонтович; В.И. Панин, Е.А. Купина).

В реферируемой работе в качестве основных факторов, обуславливающих повышенную корректность, вежливость и заботливое отношение к индивидууму, в текстах СМИ признаются:

- высокий уровень социальной культуры и устоявшиеся традиции общественного поведения;
- идеология и менталитет общества, провозгласившего культ отдельной личности и устоев ее индивидуального мира (privacy);
- коммерческий интерес к человеку как к потенциальному клиенту.

Неотъемлемыми элементами языковой коммуникации являются идеология, пропаганда, стереотип, манипуляция сознанием, а также информационное и психологическое воздействие, которые находятся в неразрывной связи друг с другом.

Объективная реальность предстает для потенциального реципиента с различных точек зрения и он не в состоянии реально оценить ту информацию, которую он получает через каналы СМИ, принимая ее как данность, чему способствуют вышеперечисленные элементы языковой коммуникации.

Одним из способов манипуляции сознанием является процесс семантизации, т.е. поиск наиболее подходящих слов, в которые следует облечь любую информативную модель. Для этой цели создается целый ряд клише, лозунгов, эпитетов, метафор, эвфемизмов, кратких, но расплывчатых фраз, при помощи которых можно описать любую международную новость (Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, И.В. Жуков). Среди психологических способов воздействия на аудиторию можно выделить: утверждение и повторение, упрощение, стереотипизацию (С.Г. Кара-Мурза, Е.И. Шейгал). Манипуляция сознанием присутствует во всех сферах общественной жизни. В духовной сфере духовные ценности пропагандируются через приоритеты воспитания, через образование, искусство и литературу. В политической сфере пропагандируются имиджи и привлекательные, с точки зрения манипулятора (в данном случае – политической системы), носители политических идей посредством PR-средств, политической рекламы и средств массовой информации.

Понятие «манипуляция» трактуется в широком и узком смыслах. В широком смысле это определенное влияние на сознание и поведение человека или социальных групп, которое характеризуется различной степенью осознанности и наличием совокупного манипулятора. В нашем исследовании термин «манипуляция» трактуется более узко, а именно как *сознательное и целенаправленное дискурсивное воздействие на потенциальный объект (человека) для достижения изменений во мнениях, оценках, поведении и убеждениях, выгодных манипуляторам*. На основе анализа литературы можно представить все основные виды манипуляции на следующей схеме (см. рис. 3).

Во второй главе «Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности» предпринимается попытка определения сущности термина «эвфемизм» и отграничения его от сходных лексических явлений; выявляются основные тематические (классификационные) группы эвфемизмов; анализируются основные цели, мотивы, способы и средства эвфемизации.

В реферируемой работе под эвфемизмами понимается универсальное лингвистическое явление, которое обычно обуславливается социально-историческими и морально-этическими нормами, национальными и языковыми традициями того или иного общества. Эвфемизмы относятся к языковым универсалиям, поскольку употребление эвфемизмов в определенных коммуникативных ситуациях обусловлено нормами

культуры речи и языкового этикета, присущими целой совокупности обществ, которые принадлежат к одному типу культуры.

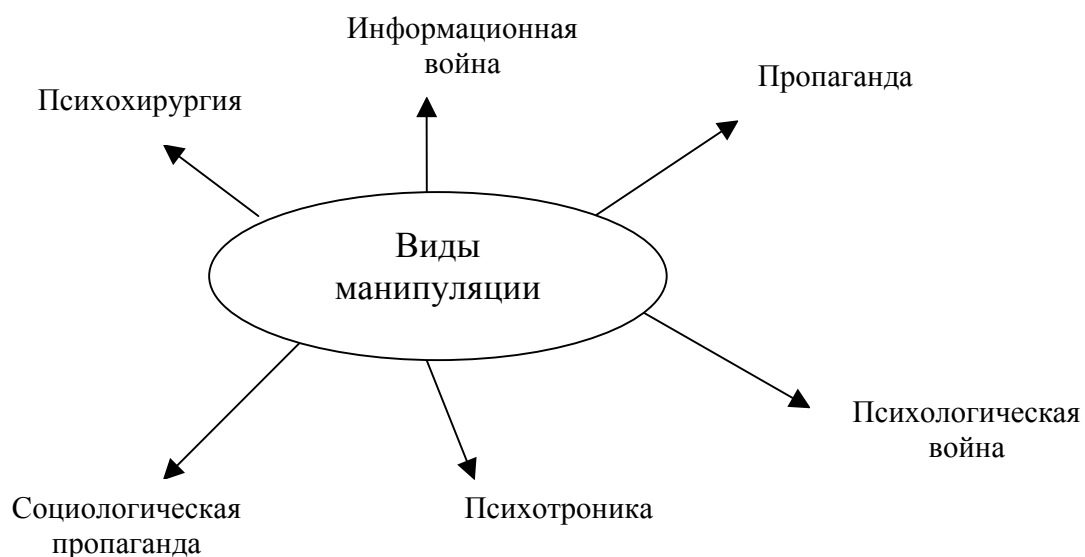

Рис. 3

Сущность эвфемизмов, их эволюция связаны с установлением общественного и языкового конвенционализма (Э. Бенвенист). Социально-культурные, морально-этические и эстетические нормы общества формируют абстрактное понятие о положительности (отрицательности) различных предметов и явлений, что, в свою очередь способствует корректности (некорректности) существующих наименований в соответствующих коммуникативных ситуациях. Изучение социальной роли эвфемизма в конструировании подобных ситуаций актуально в плане изучения взаимодействия языка и общества.

Эвфемизмы представляют собой вторичные наименования денотата и благодаря этому обладают особым семантическим своеобразием.

Природа эвфемизмов остается невыясненной, что приводит к смешению эвфемизмов с другими видами перефразирования; не разработаны четкие критерии идентификации эвфемизмов, отсутствует общепринятая дефиниция самого термина.

Для современной речи характерна тенденция к более интенсивному использованию эвфемизмов-слэнгизмов, которые проникают в речь самых различных слоев населения (А.М. Кацев, Б.А. Ларин, Л.П. Крысин).

Эвфемизмы остаются одним из главных источников обогащения словарного состава языка, но различная трактовка спорных вопросов эвфемии ставит вопрос о необходимости новых поисков в данной области.

Принято считать, что социопсихические факторы детерминируют понятийные сферы, охватываемые эвфемией. Этим сферам соответствуют определенные лексические разряды эвфемизмов. Вопросы классификации в той или иной мере затрагивались всеми исследователями эвфемизмов (Д.К. Зеленин, В. Хаверн, Х. Нюрп, Ч. Кейни, А.М. Кацев, А.С. Куркиев, Б.А. Ларин, А.А. Халанская). В реферируемом исследовании мы берем за основу современную классификацию эвфемизмов (А.А. Халанская, В.В. Панин), в которой принято выделять четыре основные тематические группы.

1. Эвфемизмы, используемые по принципу вежливости (куда включены эвфемистические выражения, направленные на смягчение различных типов дискриминации: возрастной, имущественной, дискриминации, связанной с физическими или умственными недостатками, а также эвфемизмы, смягчающие расовую и этническую дискриминацию). Так, период жизни от 65 лет и далее стали называть *third age*. Наименования некоторых физических недостатков стали заменять эвфемизмами: *fat* (толстый) заменяется на *big-boned, differently sized*, вместо *bald* (лысый) используется эвфемизм *hair-disadvantaged*. Слово *black* (чернокожий) заменяется эвфемизмом *member of the African diaspora* (представитель африканской диаспоры); *Indian* (индеец) – словосочетанием *indigenous person* (местный житель).

2. Эвфемизмы, основанные на принципе табуирования (эвфемизмы, основанные на суеверном страхе перед болезнью, смертью и т.д.): *moonchild* (человек рожденный под созвездием Рака) заменило слово *cancer*, вызывающее ассоциации с болезнью. В данном случае используется метафора, в которой полностью отсутствуют семы, связанные с болезнью и смертью.

3. Эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в экономической, политической и социальной сторонах жизни (включены эвфемизмы, прикрывающие различные формы военной агрессии, смягчающие различные непопулярные меры в социально-экономической сфере и связанные с преступной деятельностью): *the poor* (бедные) было заменено на *low-income people* (малообеспеченные). Вместо слова *bomb* (бомба) употреблялось слово *device* (устройство), а вместо *bombing* (бомбардировка) – *limited air strike* (ограниченный воздушный удар) или *air support* (воздушная поддержка).

4. Эвфемизмы, направленные на повышение социального статуса отдельных профессий: *парикмахера* стали называть *hairstylist* или *beautician*. *Служащие кладбища* традиционно были известны как *undertakers*, в последние годы их стали называть *morticians*, а затем *funeral directors*. Словосочетание *garbage collector* *сборщик мусора* заменяется на *sanitation engineer*, а эвфемизм *environmental hygienist* – не что иное, как название *дворника* (a janitor).

Эвфемия является одним из наиболее эффективных средств для создания политически корректной лексики.

Политические эвфемизмы вошли в сферу интересов лингвистов со времен войны во Вьетнаме. Политический дискурс наиболее приспособлен для приукрашивания действительности и для использования сокрытия реального положения дел, поэтому тенденция к эвфемизации является одной из прагматических закономерностей функционирования политического языка.

Исследователи, занимающиеся изучением политических эвфемизмов (Е.И. Шейгал, Е.А. Земская, Р. Водак, Л.П. Крысин, Р. Бахем, К. Берк и др.), выделяют следующие особенности политических эвфемизмов: 1) мотивированность; 2) наличие определенных ценностных доминант; 3) способность к проявлению магической функции языка, с их помощью создаются новые мифологемы; 4) в семиотическом плане – вместе с дисфемизмами способность образовывать базовую оппозицию «свой – чужой»; 5) лозунговость (политические аффективы); 6) диалектичность эвфемистического преобразования; 7) наличие риторической стратегии к мобилизации общественного мнения; 8) принадлежность к классу агональных знаков наряду с дисфемизмами.

Основными мотивами, которыми руководствуются при создании политических эвфемизмов являются: необходимость сокрытия проблем в социальной сфере, чтобы избежать конфликта; использование эвфемизмов как способа «сохранения лица у субъекта политики»; стремление завуалировать действия, нарушающие права человека, разного рода аморальные поступки с целью избежать осуждения общественности; желание избежать оскорбления субъекта с более низким социальным статусом или другой расовой принадлежности; отрицание ответственности вследствие перераспределения вины.

Специфическая особенность политических эвфемизмов – проявление ими так называемой магической функции: при изменении имени происходит изменение и свойств самого денотата – благодаря этому как бы меняется его сущность. В действительности меняется не суть явления, а способ его донесения до потенциального реципиента (Е.И. Шейгал, В.И. Карасик). Обратимся, например, к одной из публикаций в газете «Комсомольская правда», в которой перечисляется, как называли западные СМИ террористов, захвативших детей в Беслане: *attackers* (нападавшие); *captors* (захватившие); *fighters* (бойцы); *guerrillas* (партизаны); *insurgents* (повстанцы); *radicals* (радикалы); *rebels* (бунтари); *separatists* (сепаратисты) и *activists* (активисты) («Комсомольская правда», 9 сентября 2004 года). Однако, на наш взгляд, здесь речь идет не о политкорректности, а политике двойных стандартов и откровенного нежелания называть вещи своими именами.

Политическим эвфемизмам свойственна ориентированность на семиотическую оппозицию «Свой – Чужой» (Т. ван Дейк, М.Л. Макаров, Н. Хомский, Е.И. Шейгал, А.А. Филинский, В.И. Жуков). При этом следует упомянуть о наличии двойного стандарта при оценке тех или иных политических действий противостоящих сторон: все зависит от того, какой позиции придерживается выступающая сторона. Если рассматривать события в Ираке, то можно сделать вывод о том, что одни и те же события, освещаемые англо- и русскоязычными средствами массовой информации, предстают перед читателями с разных точек зрения. К примеру, военное вторжение в Ирак в наших СМИ трактуется как *война, военный конфликт, военное вторжение, военное вмешательство, агрессия против Ирака*, а западными СМИ как *peacemaking operation, humanitarian operation, antiterrorist operation, liberation, operation...to find the weapon of mass distraction, the war against global terrorism*; население, оказывающее сопротивление – *повстанцы, оппозиционные силы и, соответственно, – terrorists, extremists, bandits, gunmen, raiders*; печально-известные события в тюрьме Абу-Грайб предстают как *зверства американских солдат, садистское отношение к военнопленным, нарушение Женевской конвенции, нарушение прав человека, политика двойных стандартов по отношению к иракским военнопленным с одной стороны, и fulfilling of the orders, casualty, the «wrongdoers»*, с другой стороны.

С формальной точки зрения все существующие эвфемистические преобразования сводятся к трем типам, исходя из количественного соотношения между началом и результатом:

- развертывание: слово – словосочетание (*invasion* – «*Iraqi Freedom*»);
- свертывание: словосочетание – слово (*war against the regime* – *liberation*);
- эквивалентная замена: количество составляющих не меняется (*kill* – *neutralize*) (Е.И. Шейгал, Л.П. Крысин, В.И. Заботкина).

При использовании описательного перифраза семный состав практически не меняется, однако развернутое словосочетание является менее мощным по воздействию на реципиента: когда свержение С. Хусейна уже стало очевидным фактом, Вашингтон стал использовать слово *war* (*война*), но вскоре оно трансформировалось в более «распыленное» словосочетание *war for peace* (*война за мир*), которое ослабило реальное значение и способствовало избежанию конфронтации с нелицеприятным явлением. Однако этот термин тоже не получил широкого распространения, он использовался лишь для сравнения агрессивных действий режима С. Хусейна и «помощи», оказанной коалиционными силами США Ираку.

Весьма интересным феноменом является так называемая триада, в которой присутствует прямая номинация, эвфемизм и дисфемизм: «На

дней в городе Эль-Фалуджа *боевиками* была взорвана машина, начиненная взрывчатым веществом, равным по величине трем килограммам в тротиловом эквиваленте. Имеются жертвы среди мирного населения. *Повстанческая организация «Хэзболла»* берет на себя ответственность за данный теракт... Это отнюдь не самый разрушительный взрыв, произведенный *бойцами* из движения «Свободу Ираку» (Новости РТР, 12 июля 2003 года). В зависимости от позиции говорящего происходит замена номинаций: *боевики* – дисфемизм, отражающий точку зрения репортера из западных СМИ; *повстанческая организация* – эвфемизм, отражающий точку зрения российского репортера; *бойцы* – нейтральная номинация.

В главе третьей «Особенности функционирования политических эвфемизмов в языке СМИ при освещении конфликта в Ираке в 2003-2004 годах» проводится комплексное описание корпуса наиболее частотных англо- и русскоязычных политических эвфемизмов с элементами компонентного и семного анализа. На первом этапе исследования было выделено 5 базовых тематических групп:

1) названия военного вторжения и самого военного присутствия в Ираке (*antiterrorist operation; peacemaking operation; humanitarian operation; liberation; operation...to find the weapon of mass distraction; the war against global terrorism; escalation of the conflict; invasion/incursion; strategic*);

2) названия сил коалиции (*coalition forces; liberating forces*);

3) названия ядерного, химического или бактериологического оружия (*weapons of mass distraction*);

4) названия жертв среди мирного населения при военных действиях сил коалиции (*casualty; collateral damage*);

5) названия военных операций, проводящихся силами коалиции для установления порядка (*protective reaction; strategic operation; sweeping operation; discriminate deterrence; pinpoint bombing; precision bombing; liquidate/liquidation; neutralize/neutralization*).

Подробнее остановимся на анализе тематической группы «Названия военного вторжения и военного присутствия в Ираке». В количественном отношении данная тематическая группа не очень многочисленна. Ее характерной особенностью является то, что в основном в нее входят синонимичные политические эвфемизмы. Например, *antiterrorist operation, peacemaking operation, humanitarian operation*. Наиболее часто используемые слова, входящие в эвфемизмы данной тематической группы – прилагательные: *peacemaking* и *humanitarian*. Ни в одном из примеров не встретилось существительное *war*, обладающее мощной отрицательной коннотацией, чаще всего оно было заменено на стилистически нейтральные слова *operation* или *mission*. К примеру, в предложении «The Japan air self-defense force flew its first *humanitarian*

mission into Iraq as part of coalition air forces, landing at Tallil Air Base on March 3» вместо словосочетания *воздушное вторжение* (возможно с последующей бомбардировкой) с резко негативной коннотацией используется словосочетание *гуманитарная миссия*, являющееся стилистически нейтральным.

Обратимся к анализу эвфемизма *liberate/liberation*, возникшего во времена Второй мировой войны, когда главный редактор «Richmond News Leader» в своей статье настаивал на том, чтобы союзники при ведении военных действий использовали существительное *liberation* вместо *invasion*. На пресс-конференции в мае 1944 г. президент Рузвельт заявил: «When our expected *invasion* of Europe began we would be using the word «*liberation*» – not «*invasion*». Примечательно, что данный эвфемизм прошел испытание временем, поскольку территории, которые были захвачены Израилем у арабов во времена войны 1967 года в прессе, носили название «*liberated*», а не «*annexed*», «*occupied*», «*administrated*». В предложении «Notwithstanding the Bush administration’s rhetoric about *liberating* Iraq and turning it into a “*beacon of democracy*” for the Middle East», резкое словосочетание *военное вторжение* переименовано в *освобождение* Ирака, а в названии нового строя в Ираке присутствует метафора *маяк демократии на Среднем Востоке*, цель которой – еще раз донести до мировой общественности идею о том, что американские войска несут свободу и демократию народу Ирака. Эвфемизм *liberation* «работает» на улучшение денотата, на сокрытие правды о его отрицательных сторонах; в данном примере эвфемизм основан на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный: *invasion* (вторжение) – *liberation* (освобождение). Благодаря прагматической специфике эвфемизмов как агональных знаков в них проявляется ложь политической выгоды, в данном конкретном случае – вуалирование сути начала военных действий против независимого государства. Используется стратегия демобилизации общества: разворачивающиеся военные действия представляются общественности как естественные события, которые не могут вызывать серьезной обеспокоенности. При анализе с формальной точки зрения, в нашем примере присутствует эквивалентная замена, т.е., исходя из количественного соотношения между началом и результатом, баланс составляющих не меняется: *invasion* – *liberation* (*вторжение* – *освобождение*). При анализе с содержательной точки зрения здесь присутствует замена с увеличением смысловой неопределенности, эффект которой достигается с помощью снижения категоричности констатации факта. Генерализация, или «распыление», смыслового содержания достигается в данном случае посредством употребления слова с широкой семантикой: *liberation* (= *invasion*). Побудительный мотив использования эвфемизма – желание скрыть неправовые, аморальные действия, а ценностная доминанта представляет собой постулат, что война – это зло.

Как уже упоминалось ранее, Иракский конфликт является еще и настоящей медиа-войной. Пропагандистский аппарат США и их союзников по коалиции имеет своей целью создание определенной информационной реальности у потенциального реципиента, которая устраивала бы всю политическую и правящую верхушку. В последние десятилетия исход различных военно-политических конфликтов зависел от степени действенности СМИ в рассматриваемом военном вмешательстве.

Данный конфликт не оказался исключением, и для оправдания военного вторжения в независимое государство был создан очередной миф о всемирной террористической угрозе и необходимости уничтожения самого *гнезда терроризма*, которое представляет собой правление Саддама Хусейна в Ираке. Не последнюю роль здесь сыграли теракты 11 сентября 2001 г., которые дали формальный повод для правительства США развязать военный конфликт. В американских СМИ часто можно было наблюдать следующие названия военных действий: «Political disagreements about the reasons for going to war aside, Iraq is the critical battlefield in the *War on Terror*; «It also sheds important light on the nature of the insurgency which has claimed hundreds of lives in the US-led coalition forces since last summer, suggesting that it may be as much a home grown revolt as an *onslaught of Islamist terrorists against the West*». «Will Iraq now follow Afghanistan as "phase II" in the *war against global terrorism*». Приведенные примеры интересны тем, что в них не опускается слово *война*. Однако упор делается на то, что эти неправовые военные действия должны восприниматься общественностью как акт возмездия всем террористическим силам. В этих примерах широко представлены метафоры, которые усиливают эффект осознания того, что цели правительства США исключительно гуманные, никакие экономические или политические интересы в данном регионе не преследуются. И все-таки, в политической эвфемии чаще происходит сознательное воздействие на язык, в результате которого создаются мифологемы, выгодные правящим кругам. В качестве примера можно привести замену термина *war* (война) на *humanitarian mission* (гуманитарная миссия), *peacemaking operation* (миротворческая операция) и т.д. Во время эвфемистического преобразования происходит процесс «изъятия» сем, которые несут в себе отрицательную оценку. В результате такого рода замены *war, invasion* на *peacemaking operation, humanitarian mission, liberation* и т.д. из сходного наименования редуцируются компоненты ‘война’, ‘незаконность цели’, ‘насилие’. В результате смысловая неопределенность полностью нейтрализует отрицательную оценку.

В **заключении** подводятся итоги проведенной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования по данной тематике. В библиографическом списке приводятся используемые источники: всего 198 наименований.

В **приложении 1** приводится каталог исследованных публикаций (в сокращенном варианте) русскоязычной и англоязычной прессы о конфликте в Ираке 2003-2004 гг. В **приложении 2** представлены сводные таблицы реакций глав государств на рассматриваемый конфликт, а также таблицы с перечнями политических эвфемизмов, используемых в языке СМИ, на русском и английском языках.

Основные положения диссертации опубликованы в работах:

1. Кипрская Е.В. Экспериментальное исследование стратегий идентификации русскоязычных эвфемизмов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2002. – С. 71-73.

2. Кипрская Е.В. Некоторые проблемы исследования эвфемизмов // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 53-58.

3. Кипрская Е.В. Политический дискурс и политическая толерантность // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 69-76.

4. Кипрская Е.В. Динамика средств иносказания в политическом дискурсе // Эколингвистика: теория, проблемы, методы: Сб. науч. тр. / Под ред. А.М. Молодкина. – Саратов: «Научная книга», 2003. – С. 78-81.

5. Кипрская Е.В. Основные характеристики современного политического текста // Текст в системе высшего профессионального образования: Материалы 1-й международной научно-практической конференции / Под ред. А.К. Юрова. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2003. – С. 57-59.

6. Кипрская Е.В. Феномен эвфемии в политическом дискурсе // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: Сб. науч. тр. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – С. 20-21.

7. Кипрская Е.В. Психолингвистическое исследование англоязычных политических эвфемизмов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2003. – С. 126-128.

8. Кипрская Е.В. Некоторые особенности идентификации английских политических эвфемизмов в условиях учебного билингвизма // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 2. – С. 94-99.

9. Кипрская Е.В. Политическая корректность как компонент политической культуры // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: Мат-лы науч.-теор. студен.конф. – Киров: ВятГГУ, 2004. С. 33-35.

10. Кипрская Е.В. Способы камуфлирования действительности в СМИ при освещении военных конфликтов // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 3. – С. 61-64.

Подписано в печать
Формат 64×80/16
Бумага офсетная
Усл. печ. л. 3,9
Тираж 130 экз.
Заказ № 582

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Печатный цех ВятГГУ